

Критика и библиография

Отношения Греции и Персидской империи в зеркале дипломатии

Рецензия на книгу: Э.В. Рунг. *Греция и Ахеменидская держава: история дипломатических отношений в VI-IV вв. до н.э.* СПб., 2008. 472 с.

Вышедшая в свет в 2008 г. книга казанского ученого Э. В. Рунга «Греция и Ахеменидская держава» является исследованием, не имеющим аналогов не только в отечественной, но и в зарубежной историографии: эта монография посвящена интереснейшей проблеме античной истории — дипломатическим отношениям между греческими полисами и Персидской державой в эпоху поздней архаики и классики. Отношения между греками и персами были в этот период определяющими для судьбы не только средиземноморского региона, но и, пожалуй, всего цивилизованного мира. Если Греко-персидские войны (499-449 гг. до н.э.) стали самым ярким проявлением этих отношений, то не менее интересным их проявлением является история дипломатических отношений между персидской державой и греческими полисами. В отличие от историков, которые отводят дипломатическим отношениям место лишь в сносках к истории Греко-персидских войн, Э. В. Рунг видит в греко-персидской дипломатии главный предмет своего исследования и справедливо отмечает то значительное влияние, которое она оказала на ход знаменитого военного конфликта античности.

Уже во введении Э. В. Рунг определяет главную тему своей работы: «рассмотреть политические отношения греков с Персией, которые... более всего раскрываются через призму исследования дипломатических контактов» (с. 40). Само же введение преимущественно посвящено историографии вопроса. Сам тот факт, что до выхода в свет монографии Э. В. Рунга на русском языке не появилось ни одного общего исследования по греко-персидским отношениям, во многом определяет историографический вектор книги: зарубежной историографии уделяется

гораздо больше внимания, чем отечественной. Важнейшими работами, характеристике которых уделяет во введении место казанский исследователь, являются работы «Спарта и Персия» Д. М. Льюиса¹ и «Греческие войны: неудача Персии» Дж. Коуквела². Если вклад Д. М. Льюиса, одного из виднейших эпиграфистов своего времени, в исследование греко-персидских взаимоотношений преимущественно состоит в широком привлечении и сравнительно-историческом анализе персидских источников, то вклад в изучение этих взаимоотношений Дж. Коуквела оценить сложнее, как и его оригинальное, но в то же время идейно небесспорное сочинение. Вместе с тем, нельзя не отметить несомненную заслугу английского ученого в привлечении внимания к ряду дискуссионных моментов истории античности.

Несмотря на то, что именно эти две книги Э. В. Рунг считает важнейшими из написанных по теме греко-персидских отношений, монография самого казанского исследователя не похожа ни на одну, ни на другую из этих англоязычных работ. В отличие от Льюиса, Рунг не ставит своей задачей разработку общего концептуального видения проблем греко-персидской дипломатии; вместо этого Рунг аккуратно и взвешенно описывает известные нам из источников факты, не делая слишком общих или слишком «революционных» выводов. Это выгодно отличает его монографию и от книги Коуквела. В целом книга Э. В. Рунга содержит (и в этом одно из основных ее достоинств) настолько огромное количество фактической информации, собранной из литературных и археологических источников, что даже кратко пересказать содержание книги в формате рецензии не представляется возможным. Впрочем, пожалуй, в этом и нет необходимости: история политических взаимоотношений греческих полисов и Персии в целом достаточно хорошо известна; поэтому здесь мы остановимся лишь на тех местах из книги казанского историка, в которых предлагается новая интерпретация источников (к чести исследователя нужно заметить, что таких мест немало) или обращается внимание на факты, которые обычно упускаются историками из виду.

В первой главе монографии, посвященной началу взаимоотношений греческих полисов и Персидской империи, говоря об ионийских полисах и их позиции во время войны Персии и Лидии, исследователь отмечает особое положение, которое занял Милет. Милетяне (как сообщает Диоген Лаэртский, по совету Фалеса) отказались заключить военный союз с Крезом, и благодаря этому только этот полис не был завоеван персами во время подчинения Ионии. Весьма правдоподобным выглядит заключение Рунга, что милетяне отказались заключать союз с Крезом из-за политики Лидии, направленной на подчинение ионийских полисов (с. 47). В

¹ LEWIS D.M. *Sparta and Persia*. Leiden, 1977.

² CAWKWELL G.L. *The Greek Wars. The Failure of Persia*. Oxford, 2005.

то же время, «особый статус» Милета не принес этому полису свободы или независимости, а «обернулся добровольным подчинением Персии» (с. 46).

Весьма подробно Э.В. Рунг описывает дипломатические отношения Афин и Спарты с Персидской империей в конце VI в. до н.э. Особое внимание исследователь уделяет трактовке фразы Геродота (I, 152), согласно которому спартанское посольство, отправленное вскоре после завоевания Киром Лидии, потребовало у персидского царя от имени Спарты, чтобы тот не разорял ни одного города «земли Эллады» (γῆς τῆς Ἑλλάδος). Весьма убедительно соображение Э.В. Рунга, согласно которому под «Элладой» спартанцы имели в виду не Балканскую Грецию (непосредственных планов завоевания которой персы не имели), а греческие города Малой Азии, к нападению на которые персы уже готовились (с. 51). В то же время, вызывает удивление, что казанский исследователь всерьез принимает откровенно фантастическое сообщение Геродота о союзе спартанцев со скифами против Персии (с. 53), а явно «фольклорному рассказу» (Д.С. Раевский) о т.н. «скифском походе» Дария в причерноморские степи дает весомое название «Скифо-персидской войны» (с. 53)³. Впрочем, нужно заметить, что слишком большим доверием к данным Геродота о войне персов с причерноморскими скифами грешит не только Э.В. Рунг, но и многие другие отечественные историки античности. В то же время, казанский ученый находит весьма элегантное разрешение проблемы посольства Афин в Персию в 508/507 г. до н.э. и заключения договора о подчинении Афин Персии путем согласия на требование предоставления земли и воды. По гипотезе Рунга, персы восприняли согласие послов как официальное заключение договора о подчинении, в то время как в самих Афинах это согласие не было ратифицировано эkkлeсией, а послам по возвращении были предъявлены суровые обвинения. По-видимому, посольство Дария I в Афины в 491 г. до н.э. с требованием земли и воды как раз и ставило своей целью окончательно подтвердить договор о подданстве, который, по мнению персов, уже был заключен за семнадцать лет до этого.

Практически вся вторая глава монографии Э.В. Рунга посвящена обычаю «предоставления земли и воды», который занимает весьма важное место в истории дипломатических отношений между греками и Персией. Сама природа этой практики, означавшей формальное подчинение, безусловно, имеет восточное происхождение; Рунг приводит интересную эламскую (впрочем, с оговоркой) и более отдаленную армянскую параллель к этому обычаю (с. 69-70). Вместе с тем довольно спорным выглядит предположение казанского ученого о том, что в чашах, с которыми изображены на рельефах в Ападане (Персеполь) приносящие дары царю представители входивших в состав Персидской империи народов, могли

³ Ср. Шауб И.Ю., Андерсен В.В. Греко-персидские войны. М., 2009. С. 80-81.

закключаться как раз земля и вода (с. 71). Нам не известно ничего о том, что приношения земли и воды были регулярными (а именно регулярная процедура приношения даров, по всей видимости, и изображена в Ападане). В целом, однако, Э.В. Рунг, с нашей точки зрения, абсолютно прав, считая, что ритуал приношения земли и воды имел для персов религиозное значение.

Убедительными выглядят выводы Э.В. Рунга относительно особенностей подчинения персам государств Северной Греции (наибольшее внимание уделяется Фессалии). Вместе с тем Рунг, на наш взгляд, совершенно верно оценивает позицию Фив по отношению к Персии. Ключевой момент здесь – проблема участия фиванского отряда в битве при Фермопилах. Рунг совершенно справедливо отвергает как абсурдное сообщение Геродота о том, что четыреста фиванцев якобы находились при Фермопилах в заложниках у Леонида. Тем самым Рунг встает на сторону античного критика «отца истории» Плутарха (с. 92-93). Все это убедительно показывает, что к моменту битвы при Фермопилах Фивы еще не находились в подчинении у персов.

Вполне возможным выглядит и предположение казанского исследователя, согласно которому именно «персидский вопрос» стал одной из причин конфликта спартанских царей Клеомена и Демарата, в результате которого последний, лишившись престола, бежал в Персию.

Третья глава книги посвящена зарождению персидской «дипломатии золота» и связанному с этим изменению всего характера внешней политики Персидской империи. Если до похода Ксеркса для Персии, могущественнейшей державы Востока, было привычно решать любые политические вопросы путем военной агрессии, уже в 479 г. до н.э. эта ситуация меняется. По предположению Э.В. Рунга, подобную новую политику персы могли перенять у завоеванных ими лидийцев, которые славились своим богатством. Однако все же не вполне ясно, насколько большую часть персидской казны в действительности составляло «все золото Гига» (*Archil. Fr. 19 West*). Сложно объяснить и более чем шестидесятилетнюю⁴ паузу между завоеванием персами Лидии и началом применения «лидийской дипломатии».

По Геродоту, наиболее ясно мысль о том, что персы должны не сражаться с греками, а подкупать их золотом, высказывает Артабаз накануне сражения при Платеях; на наш взгляд, однако, это скорее проявление обычного для Геродота топоса «мудрого советника». Более историчны три персидские дипломатические миссии, связанные с попытками подкупа

⁴ В настоящий момент ясно, что свидетельство «Хроники Набонида» за 547/546 г. до н.э. относится к завоеванию персами не Лидии, а Урарту. Вероятно, Лидия была завоевана в 542/541 г. до н.э. Э.В. Рунг, хотя и ссылается на статью Дж. Кэргилла (*CARGILL J. The Nabonidus Chronicle and the Fall of Lydia // American Journal of Ancient History. 1977. Vol. 2. № 2. P. 97-116*), освещающую этот вопрос, употребляет устаревшую датировку.

греков. Однако цифра, которую называет Аристодем в качестве суммы, предложенной Мардоном афинянам — десять тысяч талантов — откровенно фантастична.

Наиболее интересный раздел третьей главы труда Рунга касается характера взаимоотношений персов и спартанского регента Павсания. Очень убедительным выглядит предположение Рунга о том, что Павсаний был уполномочен сближаться с персами по крайней мере некоторыми из представителей спартанских властей. На это, в частности, прямо указывает Фукидид, но и в целом лишь это предположение объясняет ряд действий Павсания (с. 126). Без сомнения, после осуждения и смерти Павсания спартанцы «были заинтересованы в том, чтобы представить контакты с персами как личную инициативу Павсания». Этот раздел, на наш взгляд, является одним из самых удачных во всей монографии казанского ученого.

Следующие две главы обстоятельной работы Э. В. Рунга посвящены проблематике двух важных мирных договоров греков с персами: Каллиева мира и Эпиликова мирного договора. Относительно Каллиева мира Рунг принимает традиционную трактовку событий: что мир был заключен посольством во главе с Каллием, сыном Гиппоника, в 449 г. до н.э. В пользу этой датировки приводится ряд свидетельств античных авторов; в том числе, на наш взгляд, верно трактуется сообщение Геродота (VII, 157) об афинском посольстве в Сузы (которое, полагает Рунг, и было посольством Каллия; с. 140). Вместе с тем Рунг не находит ответа на вопрос, почему Каллиев мир никак не упоминает Фукидид. Однако другие аргументы против аутентичности Каллиева мира, существующие в источниках (сообщение Феопомпа и упомянутое Плутархом «отрицание» этого мирного договора у Каллисфена), убедительно опровергаются в современной историографии; таково мнение и самого Э. В. Рунга. Не вдаваясь в подробности относительно этих двух свидетельств, заметим, что текст Феопомпа испорчен, а сообщение Плутарха можно трактовать двояко, поэтому по относительной достоверности свидетельств позиция Рунга выглядит оправданной. Очень удачно автором прослежены обстоятельства, связывающие в глазах афинян Каллиев мир с личностью Кимона, победителя при Эвримедонте, — представляется, что это вполне приемлемое объяснение того, почему в ряде свидетельств (прежде всего — у Плутарха; см. с. 153-155) сообщается, что Каллиев мир был заключен еще при жизни Кимона.

Особое внимание казанский исследователь уделяет проблеме условий Каллиева мира. Но здесь определенно можно утверждать только о том, что по условиям этого мирного договора малоазийские города получали независимость; открытым остается вопрос об уплате налогов персидскому царю и о точных сухопутных и морских границах. В этом вопросе Э. В. Рунг излагает точки зрения различных исследователей, но своей собственной не приводит.

В главу о Каллиевом мире входят также два небольших раздела о восстании Мегабиза и бегстве его сына Зопира к афинянам, а также о Самосской войне. Однако два этих раздела скорее представляют собой пересказ источников и не прибавляют в концептуальном плане практически ничего к выкладкам Рунга.

Пятая и шестая главы монографии Э. В. Рунга посвящены отношениям Афин и Спарты с Персидской державой во время Пелопоннесской войны. Одна из них («Эпиликов мирный договор») в большей степени касается Афин, вторая («Договорные отношения Спарты и Персии в период Пелопоннесской войны»), как следует из самого ее названия, — Спарты. Вместе с тем в изложении Рунга афино-персидские политические отношения предстают намного менее целостными и конструктивными, чем спартанско-персидские; здесь, на наш взгляд, интерпретация отечественного ученого совершенно верна. Афиняне, заключая мирные договоры с Персидской державой, в то же время не упускали случая поддержать любые восстания против Царя царей (например, восстание Аморга, сына сатрапа Сард Писсуфна: с. 204–215); мнение Рунга о том, что такая политика афинян «коренилась в традиционной вражде афинян к Персии», конечно, обоснованно, но эта причина не является исчерпывающей. Не менее важно то, что политика демократических Афин зачастую была в силу самого характера этой формы правления весьма оппортунистической, а любое ослабление Персии было для афинян весьма желательно ввиду важности той роли, которую играли малоазийские полисы, в высшей степени зависимые от Персидской державы, в Афинском морском союзе. Представляется очень важным вывод Рунга о том, что именно поддержка афинянами восстания Аморга (а не крах Сицилийской экспедиции, как полагает ряд исследователей) привел к тому, что в итоге решающую поддержку в Пелопоннесской войне персидский царь оказал Спарте, а не Афинам. В следующей главе, однако, Рунг также отмечает, что первоначальная инициатива в заключении спартано-персидского договора могла исходить не от самого царя, а от малоазийских сатрапов (Тиссаферна и Фарнабаза). Относительно этих дипломатических контактов особенно любопытно следующее: подробно рассмотрев три антиафинских договора между Персидской империей и Спартой в 413–411 гг. до н.э., Рунг оговаривается, что договоры Персии как с Афинами, так и со Спартой «перестали соблюдаться уже вскоре после их непосредственного заключения». Ряд эпизодов (как, например, то, что обещанный царем финикийский флот так и не выступил против афинян) подтверждает это наблюдение. Характерно, что только после установления близких личных отношений между спартанским навархом Лисандром и царевичем Киrom Младшим (с 408 г. до н.э. — карана⁵ Малой Азии) спартанцы смогли до-

⁵ Т.е. главнокомандующего; см. *Xen. Hell.* I, 4, 4.

биться от Персии реального получения тех средств, которые позволили финансировать спартанский флот вплоть до разгрома афинян в битве при Эгоспотамах в 405 г. до н.э.

Характер отношений между Персией и Спартой резко меняется после окончания Пелопоннесской войны и установления спартанской гегемонии в Греции, и уже через пять лет, в 399 г. до н.э., Спарта вновь вступает с Персией в войну. Причинам, ходу и последствиям этого конфликта посвящена седьмая глава монографии Э. В. Рунга. С одной стороны, не вызывает возражений мнение казанского исследователя, что главной причиной этого столкновения стала проблема малоазийских полисов, статус которых по мирным договорам конца V в. до н.э. спартанцы и персы понимали по-разному (с. 276). С другой стороны, гораздо более важным фактором нам представляются личные отношения спартанцев с Киrom Младшим, с которым, без сомнения, Спарта связывала большие надежды на стабилизацию ситуации в Малой Азии. Гибель царевича при Кунаксе в 401 г. до н.э. и агрессивная политика Тиссаферна в отношении ионийских полисов привели недавних союзников к войне. Повествование Рунга отдает должное деятельности спартанского военачальника Деркилида, который, умело сталкивая интересы сатрапов Тиссаферна и Фарнабаза, сумел ликвидировать непосредственную угрозу греческим полисам Малой Азии. Эту же политику умело и с талантливым применением военной силы стал проводить в жизнь в Малой Азии и царь Агесилай. План Агесилая — побуждать к восстаниям персидских сатрапов и независимые племена, создав таким образом своего рода «буферную зону» между Ионией и Персией (с. 296), — был блестящей стратегией. Ответом Персии стало создание мощного флота, которым руководили Фарнабаз и афинянин Конон, и консолидация антиспартанских сил в Балканской Греции, ставшая возможной благодаря золоту, отвезенному в главные греческие полисы родосцем Тимократом. В Коринфской войне (395–387 гг. до н.э.), несмотря на успехи спартанцев на суше (битвы при Немее и особенно при Коронее), ход войны складывался не в их пользу после разгрома флота Спарты и ее союзников при Книде (394 г. до н.э.). Но самым важным результатом Коринфской войны стало то, что Агесилай вынужден был отступить из Малой Азии и вернуться в Грецию: безусловно, здесь Персидская империя, не имевшая консолидированных сил для того, чтобы остановить Агесилая на поле боя, прекрасно воспользовалась хрупким балансом сил внутри Греции. По инициативе Спарты были начаты мирные переговоры, которые закончились заключением Анталкидова мира (387/386 г. до н.э.).

Следующие две главы монографии Э. В. Рунга касаются проблем Анталкидова мира, договора, во определявшего политическую ситуацию в Греции в течение нескольких десятилетий, и ряда договоров о всеобщем мире. Рунг посвящает этим мирным договорам подробный рассказ,

и нет нужды приводить его выводы целиком. Наиболее интересным является, пожалуй, следующее: по мнению казанского исследователя, Персия пошла на заключение Анталкидова мира, который был весьма выгоден для Спарты, из-за развития тяжелых войн с Кипром и Египтом, где афиняне, бывшие формально союзниками Артаксеркса II, по своему обычаю поддержали врагов Персии (с. 329–333). Довольно ярко выглядит в изложении Рунга персидская поддержка фиванцев после битвы при Левктрах (371 г. до н.э.), где значительную роль играло то, что Фивы сражались в битве при Платеях на стороне персов и никогда впоследствии против Персии не выступали (с. 373). Вместе с тем в первой половине IV в. до н.э. стало очевидно, что влияние персидского царя в Греции ослабевает; лишним доказательством этого стало то, что договор о всеобщем мире после битвы при Мантинее (362 г. до н.э.) был заключен уже без участия персов.

Наконец, последняя глава книги посвящена дипломатическим отношениям греческих полисов с Персией в период возвышения Македонии при Филиппе II. Об этом интереснейшем периоде античной истории, к сожалению, известно сравнительно немного. Однако вполне оправдан акцент, который Э. В. Рунг делает на т.н. Великом восстании сатрапов в Персии (365–359 гг. до н.э.). Именно это восстание, по всей видимости, было одним из главных факторов резкого ослабления империи Ахеменидов, сделавшего возможным ее завоевание Александром Великим. Стоит заметить, что уже в начале правления Александра афиняне обратились к персидскому царю Дарию III с просьбой предоставить деньги на поднятие восстания против Македонии, на что царь ответил: «Золота я вам не дам, не просите, не получите» (*Aeschin.* III, 328; ср. с. 404). Шанс спастись от македонской угрозы, навязав Александру полномасштабную (в случае объединения всех греков против Македонии) войну на два фронта, был утрачен. Возможно, этот дипломатический просчет лишь недавно вступившего на престол персидского царя стоил ему власти и жизни.

Эта рецензия дает, конечно, лишь самое общее представление о широком спектре тем, затронутых Э. В. Рунгом в его работе. В целом исследования такого объема и качества по тематике греко-персидских отношений классической эпохи на русском языке до сих пор не появлялось. Э. В. Рунгу, построившему стержень книги на глубоком критическом исследовании источников, связанных непосредственно с дипломатическими отношениями между греками и персами, удалось создать подробное, яркое исследование по политической жизни греков (в первую очередь — афинян и спартанцев) этого периода во всей ее совокупности. Однако эта широта тематики, составляющая, пожалуй, главное достоинство монографии, зачастую играет и против автора. Повествование Рунга почти всегда фрагментарно; за подробным (иногда — слишком) рассмотрением источников может следовать описание важнейших событий, данное скороговоркой (или вовсе опущенное; так, например, Рунг уделяет пять страниц

деятельности зелеита Арфмия, доставившего, по сообщению Демосфена, персидское золото на Пелопоннес, но ничего не говорит о победах эллинов над персами при Саламине, Платеях или Микале, которые, без сомнения, имели важнейшее влияние на ход дипломатических отношений между Ахеменидами и греками). Эта несоразмерность делает текст Рунга излишне тяжелым и лишает композицию монографии целостности.

Главы монографии, по большому счету, самостоятельны; иногда минимум связок имеют и разделы внутри этих глав. Этой «несвязанностью» разделов объясняются, вероятно, и повторы, которые иногда имеют место в пределах нескольких страниц (ср., напр., последние абзацы разделов на с. 407, 409, 415). В целом можно сказать, что несколько расширенное событийное изложение материала сделало бы книгу гораздо более гармоничной.

Другим недостатком книги казанского ученого следует признать досадную тенденцию приводить исчерпывающую историографию по тому или иному вопросу (причем зачастую — с диаметрально противоположными точками зрения), а затем — воздерживаться от высказывания собственного мнения. Тем более можно пожалеть о том, что Э. В. Рунг не всегда выражает свое мнение по дискуссионным проблемам, что в тех местах, где казанский ученый высказывает свою точку зрения, она практически всегда представляется взвешенной и справедливой.

Впрочем, отметив эти недостатки, нельзя не сказать, что отчасти они обусловлены самой тематикой монографии Рунга. Более того, об этих недостатках не шла бы и речь, не затрагивай книга казанского ученого столь многих аспектов политической жизни греков и персов в классическую эпоху. Намеченные Рунгом выходы в общую историческую проблематику отношений эллинов и Персидской империи, без сомнения, очень перспективны. Кроме того, в лучших своих частях (как, например, в разделах о деятельности спартанского регента Павсания и царя Агесилая) монография Э. В. Рунга явственным образом поднимается над своей тематикой и дает яркую и живую картину общественно-политической жизни античности. Для тематики же собственно греко-персидских дипломатических отношений труд Рунга является самым полным и наиболее основательным произведением в отечественной историографии и будет крайне полезным для всех, кто интересуется проблемами конфронтации эллинов с державой Ахеменидов. Без сомнения, появление на русском языке этого фундаментального исследования по проблеме греко-персидских отношений следует признать значительным достижением его автора.

В. В. Андерсен